

В пять пятьдесят утра прозвенел школьный будильник. Небо едва начало светлеть, окрашиваясь в сероватый цвет, и люди, ещё недавно погружённые в сон, были вынуждены проснуться. Летом подъём давался легко, но с наступлением холодов коридоры общежитий неизбежно оглашались стонами недовольных учеников. Повсюду слышалась возня и шорох — это началось общее пробуждение.

На второй день после начала занятий в школе возобновили утреннюю зарядку.

Ребята из 303-й комнаты тоже присоединились к общему потоку. За прошедший год у них выработалась привычка: четвёрка соседей слаженно поднималась с кровати, приводила себя в порядок и, выстроившись в ряд, дружно занимала места умывальников. Быстро управившись, они спешили на плац.

По правилам школы все ученики должны были собраться на площадке к шести десяти, чтобы ровно в это время начать пробежку. Дистанция составляла пять километров. Ученики первого класса бегали на малом поле, а второго и третьего — на основном.

Все замерли в строю, ожидая свистка. Впереди каждой группы стоял учитель-куратор. Как только раздался пронзительный звук, преподаватели рванули с места, увлекая за собой толпу. Поначалу колонны двигались ровно, под ритмичный свист, но со временем строй редел, и многие начинали отставать.

Летняя пробежка была настоящим испытанием: стоило лишь немного подвигаться, как одежда тут же прилипала к телу от пота. Хэ Хао двигался в строю не спеша; даже после нескольких кругов он лишь слегка сбил дыхание, а капли пота, стекая по щекам, застревали в ямке у кадыка и скатывались под воротник.

К окончанию пробежки рассвело окончательно. Раздался протяжный свисток, оповещающий об окончании утренней разминки. Строй медленно остановился, отставшие поспешили влиться в ряды. Старосты классов начали переключку, отмечая опоздавших и тех, кому грозили штрафные баллы. После проверки последовала команда разойтись.

Часть парней, словно сорвавшиеся с цепи жеребцы, помчалась к кранам, чтобы освежиться, другие же бросились в столовую — успеть занять очередь на завтрак.

После еды Хэ Хао и его товарищи вернулись в кабинет 2-3 на втором этаже. В классе уже было многолюдно. Хэ Хао занял своё место у окна, где зимой было невыносимо холодно, а летом — невыносимо жарко.

Ли Мин, оживлённо болтавший с соседкой по парте, обернулся и, потянув Хэ Хао за рукав, восторженно зашептал: — Хэ Хао, ты слышал? Тот тиран из третьего класса наконец-то ушёл! Больше не придётся опасаться, что нас поколотят! — закончив, он счастливо улыбнулся.

Глядя на сияющего Ли Мина, Хэ Хао кивнул. Увидев ответную реакцию, друг тут же

отвернулся, снова погружаясь в беседу. Хэ Хао подумал, как же мало нужно Ли Мину для счастья, и вместе с тем отметил его наивность. Школьные хулиганы были всегда: стоит одному уйти, как тут же на его месте появляется другой — свято место пусто не бывает.

Тот самый тиран из третьего класса был настоящим грозой школы из предыдущего выпуска. Он часто задирали младшеклассников, и у него была целая свита из разных классов. Теперь, после выпускных экзаменов, он исчез. Никто не знал, как сложится его судьба, но в этой школе неизбежно должен был появиться новый «король».

Школа напоминала миниатюрное общество. Отличники свысока смотрели на отстающих, у каждого были свои причуды. Не всегда побеждал тот, кто вёл себя хорошо. Бывало, что кого-то избивали просто за то, что он не понравился, даже если не сделал ничего плохого. В классах постоянно образовывались группировки, практиковалась травля, а драки были делом обыденным.

Хэ Хао, подперев подбородок рукой, наблюдал за одноклассниками и размышлял об этом. Девушка, с которой болтал Ли Мин, время от времени поглядывала на задумчивого юношу, и её сердце замирало от невольного восхищения.

Прозвенел звонок на утреннее чтение. Ученики быстро заняли свои места. Дружный, громкий хор голосов заполнил класс, вырвался в коридор, просочился сквозь стены и донёсся до улицы. Прохожие, услышав это, невольно улыбались, видя в этом задоре жизненную силу и надежду юности.

После чтения многие завалились спать прямо на парты, не обращая внимания на шум. Другие сбивались в кучки, чтобы сходить в туалет или посплетничать. Хэ Хао сидел на своём месте, когда к нему подошёл Ван Пэн, остановившись за окном в коридоре.

Друзья перешучивались, как вдруг увидели нечто такое, отчего их лица мгновенно перекошились.

Неподалёку, у дверей, группа крепких парней шумно дурачилась. Один из них, не рассчитав, случайно заехал другому прямо в пах. Пострадавший тут же согнулся пополам, сжал ноги и схватился за больное место, застыв на месте. На его глазах выступили слёзы, а лицо залилось краской от боли.

Став свидетелями этой сцены, Хэ Хао и Ван Пэн почувствовали, как их собственное достоинство сжалось в предчувствии боли. Они переглянулись, и в глазах каждого читалось лишь одно: Боже, как же больно!

Хэ Хао проводил взглядом парня, который, продолжая тихо плакать, походкой краба поплёлся к своей парте.

Друзей настолько впечатлило увиденное, что пропало всякое желание говорить. Ван Пэн

молча вернулся на своё место в ожидании урока.

Прозвенел звонок, и в класс не спеша вошла классная руководительница, неся под мышкой учебники и кружку с водой.

Обменявшись приветствиями, они приступили к занятиям. В классе всё ещё стоял гул, и учительнице пришлось несколько раз кашлянуть, чтобы добиться секундной тишины. — Ребята, каникулы закончились, пора брать себя в руки! — строго произнесла она. — Внимательно слушайте урок, во время занятий не разговаривать. Я не задерживаю вас после звонка, но и вы не тратьте моё время попусту!

Закончив, она отвернулась к доске и принялась записывать материал. Затем, вдохновенно объясняя тему, она начала задавать вопросы. Многие ученики, полные энтузиазма, тянули руки вверх, выкрикивая: — Я! Я! Спросите меня! Хэ Хао лишь молча поднял руку, выделяясь на фоне этого шумного возбуждения.

Учительница вызвала его. Хэ Хао поднялся и чётко ответил на вопрос. Похвалив его, преподавательница велела ему сесть и продолжила объяснение.

На уроке Хэ Хао прилежно записывал всё в тетрадь. Его парта была идеально чистой, а почерк в конспектах — аккуратным и красивым, на него хотелось смотреть снова и снова.

Учительница вела урок мастерски, заражая большинство учеников своим рвением. Стоило ей заметить кого-то, кто витает в облаках, как в лоб нарушителю тут же летел кусочек мела. Учительница попадала без промаха. Ошарашенный ученик, получив удар, тут же выпрямлялся и начинал внимательно слушать. Такие сценки случались часто и никого особо не обижали. Урок подошёл к концу, прозвенел звонок, и преподавательница, собрав вещи, ушла.

В перерыве Ван Пэн, как пушечное ядро, ворвался в класс и с ехидной улыбкой обратился к Хэ Хао: — Ну что, братан, в туалет не хочешь? Прогуляемся!

Хэ Хао поднял голову, уголки его губ приподнялись в ироничной усмешке: — Ты же только утром ходил. Столько воды в тебе? Неужто с предстательной железой проблемы?

Ван Пэн округлил глаза и замахнулся, чтобы ударить друга: — Пошёл ты! Сам ты проблемный! Утреннее — это вчерашнее было! Пошли уже!

Хэ Хао откинулся назад: — Ой, как завёлся. Значит, я прав? Туалет далеко, пойду в обед, лениво мне сейчас.

Ван Пэн закатил глаза: — Ну ты и псих! Я с утра много воды выпил, уже на пределе, идти надо! Пошли со мной, терпеть вредно для здоровья, я же о тебе забочусь! Быстрее, а то опоздаем!

Хэ Хао повёл бровью, прибрал книги и тетради и ответил: — Пошли. Как говорится, ленивый ослик перед работой вечно по нужде бегают — это про тебя.

Ван Пэн легонько толкнул его локтем, смеясь: — Иди к чёрту! Сам ты ослик, я как минимум породистый скакун!

Смеясь, они побежали к туалету. Тот находился за спортивной площадкой, довольно далеко от учебного корпуса, так что путь занял три минуты.

В туалете Хэ Хао расстегнул ширинку и начал справлять нужду, бросив другу: — Давай быстрее, следующий урок английского, опоздаем — влетит.

Ван Пэн, откликаясь, бросил взгляд в сторону Хэ Хао и выругался: — Чёрт, каждый раз, когда стоим рядом, чувствую себя неполноценным. Что ты такое ел, что у тебя всё такое большое!

Хэ Хао с прищуром улыбнулся: — Завидуешь? Ничего не поделаешь, гены такие! — закончив, он стряхнул капли, заправился и подошёл к крану мыть руки.

Ван Пэн, расстроенный его словами, легонько ударил его в плечо: — Ишь ты, зазнался! Ничего, я ещё вырасту!

Хэ Хао поморщился и, уворачиваясь, отпрянул: — Ты руки не помыл, дурень! Давай быстрее, пора бежать, опоздаем!

Ван Пэн поспешно включил воду, сполоснул руки и рванул на выход. Они неслись сломя голову и влетели в класс как раз под звонок, тяжело дыша и садясь на свои места.

Учительница английского пришла почти сразу — молодая женщина, во всех отношениях приятная, за одним исключением: она мгновенно краснела от гнева. Если мальчишки доводили её до ручки, она могла отвесить пощёчину. Девочек она никогда не трогала, а вот хулиганам доставалось часто.

Весь класс знал об этой особенности, но всегда находились смельчаки, которые намеренно провоцировали её. Хэ Хао никогда не лез на рожон — кому охота получать по лицу? К тому же он был старостой по английскому.

У каждого учителя был свой стиль: кто-то был напорист, кто-то спокоен, кто-то с юмором, кто-то строг.

После четвёртого урока ученики похватали вещи и бросились в столовую — успеть занять очередь. Ван Пэн позвал Хэ Хао обедать, к ним присоединилась Чжань Цзюцзю, ожидавшая Гао Дэна. Вся компания не спеша побрела к столовой, обсуждая всё на свете — Ван Пэн, как главный заводила, не закрывал рта.

В столовой было не протолкнуться. Друзья решили, что стоять в длинной очереди за обычным обедом слишком долго, поэтому взяли лапшу и по маньтоу на каждого. Трое встали в очередь за лапшой, а Чжань Цзюцзю пошла за хлебом.

Когда они получили еду, свободных мест почти не осталось. В самом углу нашелся пустой стол, за которым сидел Ван Чэнь. Хэ Хао вежливо улыбнулся ему: — Ты не против, если мы подсядем? Больше мест нет.

Ван Чэнь, чей взгляд оставался холодным, едва заметно кивнул. Получив согласие, ребята расселись. Хэ Хао обернулся к парню: — Это мои соседи: Ван Пэн, Гао Дэн и Чжань Цзюцзю. Ты видел их вчера. — Затем представил его своим друзьям: — А это Ван Чэнь, мы тоже познакомились вчера.

Все вежливо поздоровались, после чего уткнулись в свои тарелки. Вскоре Ван Пэн начал рассказывать о новостях и забавных случаях, произошедших утром. Никто не возражал — тишина за столом казалась бы слишком неловкой.

Ван Пэн полностью оправдывал звание заводилы: благодаря его бесконечным историям атмосфера перестала быть напряжённой. Даже Ван Чэнь иногда кивал в ответ. Обед прошёл в довольно дружелюбной обстановке.

После дневного отдыха ученики вернулись в класс. Все выглядели сонными. Старый потолочный вентилятор, проработавший, казалось, целую вечность, со скрипом вращался, не принося прохлады, и лишь пугал тем, что может в любой момент рухнуть вниз.

Хэ Хао, разморенный от жары, лежал на парте, когда почувствовал тычок в спину. Он обернулся и увидел девушку с задней парты. В его взгляде читался немой вопрос: Что-то случилось?

Это была Чжао Цинцин, староста по китайскому языку — бойкая и приветливая девушка. Она была популярна в классе, к ней часто обращались за помощью, но ещё она была страшной сплетницей.

Чжао Цинцин достала из пакета маленькое эскимо и протянула ему: — Хэ Хао, держи, охладись. Только что купили!

Её соседка по парте, Цинь Юэ, кивнула в знак согласия.

Хэ Хао улыбнулся: — Спасибо, ешьте сами!

Чжао Цинцин буквально всучила ему мороженое: — Бери, у нас целая пачка, нам хватит!

Хэ Хао посмотрел на эскимо, потом на неё и решил больше не отказываться: — Спасибо, в

следующий раз я угощу! — он развернулся и принялся за лакомство. Холод немного отступил.

На физике Хэ Хао старательно записывал лекцию. Периодически он смотрел в окно, как вдруг — хлоп! — в лоб прилетел кусок мела. Хэ Хао ошарашенно поднял взгляд на преподавателя.

Учитель физики с улыбкой посмотрел на него: — Ученик Хэ Хао, что там за окном тебя так привлекает? Смотришь уже в четвёртый раз. Слушай внимательно!

Класс дружно рассмеялся.

Хэ Хао почувствовал, как уши заливаются краской. Он поспешно извинился и вернулся к конспекту. Учитель на кафедре разглагольствовал, и под лучами солнца было видно, как с его губ разлетаются брызги слюны. Хэ Хао поморщился, подумав, что место на первой парте — худшее из возможных: так ведь и лицом в крапинку станешь от постоянных брызг! Но места распределялись по успеваемости, а глаза учителя были острее орлиных — он замечал всё.

Отбросив мысли, он сосредоточился на уроке и до самого конца больше не смотрел в окно.

На перемене две девушки подошли к Хэ Хао с тетрадями — просили объяснить тему. Хэ Хао с улыбкой разъяснил им всё. Девушки, глядя на высокого и красивого парня, смущённо краснели и, забрав тетради, убегали на свои места.

Затем они шептались с подругами, обсуждая того парня.

Если бы в тот момент одна из них внимательно посмотрела ему в глаза, то заметила бы, что в них нет ни тени искренней теплоты, которую она так жадно искала.

Гао Дэн и Ван Пэн собирались позвать Хэ Хао, но, увидев, как он объясняет материал, остановились у окна. Ван Пэн тихо сказал Гао Дэну: — Тебе не кажется, что он будто носит маску?

Гао Дэн, опираясь на подоконник, с грустной улыбкой ответил: — Она была на нём с самого нашего знакомства. Раньше я этого не замечал, но после того, как увидел его настоящие эмоции, это стало очевидно. Но сейчас ему всё же немного лучше, чем раньше, правда?

Чжань Цзюцзю подошла к ним и, глядя на Хэ Хао вдалеке, добавила: — Пусть лучше, но не кажется ли вам, что так ему слишком тяжело?

Гао Дэн нахмурился: — Это правда. Но всё же это лучше, чем раньше. — Подумав, он поправился: — Скорее, он просто стал искуснее.

Они втроем смотрели на юношу, и в их глазах читались боль и тревога.

<http://bllate.org/book/21860/2268555>